

На концерте оперной музыки

Интересный концерт состоялся в Дзинтари — прозвучала оперная музыка латышских и итальянских композиторов в исполнении ведущих солистов, хора и оркестра Театра оперы и балета под управлением главного дирижера А. Вилюманиса (хормейстер — И. Матрозис).

Латышская музыка была представлена увертюрой и арией Дауманта из «Банюты» Алфреда Калныня и большим фрагментом I-го акта оперы Имайтэ Калныня «Играл я, плясал». В увертюре к «Банюте» дирижер подчеркнул эпический склад, неторопливость развертывания, грандиозность кульминаций; выразительно прозвучали многочисленные соло духовых инструментов. Однако такая трактовка показала слишком спокойной, умиротворенной — музыка лишилась внутреннего нерва, танцевальной дымки повествования о седой старине, ничто не предвещает грядущей драмы. В арии Дауманта П. Гравелис раскрыл всю глубину характера своего мрачного героя, выразительные смены настроений, увлеченно воплотил и широко распевные фразы с мощными верхними нотами, и речевые реплики, полные сарказма и издевки.

В первом акте оперы «Играл я, плясал» наиболее вы-

игршно представлена партия народного музыканта Тота. Это — большая удача К. Зарина, мастерски передающего необычный стиль Им. Калныня, многообразие его мелодики: красивые, приглушенные начальные фразы, разнообразную по звучности песню «Играл я, плясал» — замечательную находку композитора, широкую кантилену воззвания к матери-земле, сменяющуюся удивительно естественно звучащими разговорными восклицаниями. Трогательностью, искренностью выделялось исполнение Л. Грейдана партии невесты Лелде. Запомнилась М. Кригена — таинственный голос ночной природы. Менее удачным было выступление А. Полякова в партии Земгуса — оплакивание невесты прозвучало у него недостаточно свободно и эмоционально насыщено. Хор и оркестр музцицировали слаженно и увлеченно, легко справляясь со сложной ритмикой Им. Калныня.

Однако сам выбор для концерта такого большого отрывка именно из данной оперы вызывает сомнение. На концерте в Дзинтари преобладали любители музыки из различных городов, вряд ли знакомые с философской пьесой Райниса; в программе же полностью отсутствовали какие бы то ни было пояснения, даже список действующих лиц,

фрагмент значительно прогрял в живости и убедительности без сценического воплощения, костюмов, декораций, танцев, движения. Учитывая концертные условия исполнения и состав слушателей, представляется гораздо более интересным показ оперы-оратории Стравинского «Царь Эдип», не идущей сейчас нигде в нашей стране, а в рижском театре отличающейся высоким музыкальным уровнем постановки.

Итальянское отделение концерта было особенно обширным и разнообразным. Яркое впечатление оставило исполнение А. Воляк арии Золушки из одноименной оперы Россини. Здесь проявились лучшие стороны дарования певицы: музыкальность, артистизм, подвижность редкого типа голоса — колоратурного меццо-сопрано со свободным верхним регистром, четкость тщательно отделанных виртуозных пассажей. Сцена смерти Родриго из «Дон Карлоса» Верди прозвучала у П. Гравелиса с большой силой и выразительностью, с тонким чувством итальянского стиля. Уверенно и артистично исполнила С. Рая арию Елены из «Сицилийской вечерни» Верди; правда, героическая быстрая часть показалась не вполне по голосу певице — кое-где звучание было напряженным, не-

естественным. Жаль, что она не познакомила слушателей с каким-либо эпизодом из «Аттилы» — малоизвестной оперы Верди, в которой С. Рая постоянно выступает на сцене театра «Эстония». Из общего итальянского стиля несколько выпала ария Фигаро из последнего акта «Свадьбы Фигаро» Моцарта, спетая А. Поляковым. Выступление молодого артиста — студента консерватории не произвело большого впечатления: ему не удалось до конца раскрыть стиль Моцарта, в речитативе недостаточно четкости и легкости, в кантилене — красоты и выразительности.

В концерте прозвучали фрагменты из идущих в театре итальянских опер — «Лючии» Доницетти, «Трубадура» и «Макбета» Верди (вполне уместным было бы показать несколько сцен и из готовящейся в следующем сезоне премьеры «Бала-маскарада» Верди, в котором заняты лучшие певцы). Яркое и образное воплощение получил терцет из I-го акта «Трубадура» в исполнении С. Раи, К. Зарина и П. Гравелиса: характер каждого героя очерчен рельефно, убедительно, как на оперной сцене. А вот знаменитая стретта Манрико, спетая К. Зариным и мужским хором, прозвучала менее эффектно, чем в спектакле: эпизод показался слишком кратким, звучание оркестра — чересчур громким. Из двух сцен из «Лючии» более впечатляющей оказалась

ария Раймонда с хором в исполнении опытного, уверенного в себе Г. Антипова; особенно следует отметить выразительные и мощные хоровые нарастания. Ю. Рийкурису в арии Эдгара из последнего акта хотелось бы пожелать большего разнообразия оттенков, внимания к деталям, лиризма, непринужденности исполнения.

Одна из лучших итальянских постановок театра — «Макбет» Верди — была представлена тремя сценами. В арии Банко К. Миесник порадовал эмоциональностью, насыщенностью кантилены, звучными верхними нотами. Менее успешным было выступление Д. Рийкуре. Певца обладала сильным голосом большого диапазона, но ария леди Макбет оказалась для нее пока еще слишком сложной: верхние ноты прозвучали крикливо, интонационно нечисто, виртуозные пассажи — недостаточно четко. Зато сильное впечатление оставил трагический финал I-го акта — грандиозный секстет с хором; богатство красок у солистов (Э. Звиргздынь, П. Гравелис, Ю. Рийкурис, К. Миесник, А. Тауринь, И. Крастинь), чистота и выразительность пения без сопровождения, увлеченное исполнение хора, яркое звучание оркестра — все это достойно увенчало концерт, горячо принятый публикой.

А. Кенигсберг,
кандидат искусствоведения.